

2. Бекетова О. В. Правова природа примусових заходів медичного характеру / О. В. Бекетова // Актуальні проблеми держави і права. – 2004. – Вип. 22. – С. 860-863.
3. Закон України «Про психіатричну допомогу» // [EP]. – Режим доступу: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1489-14#o15>
4. Матишевський П. С. Кримінальне право України. Загальна частина: [підручник для студентів юрид. вузів і фак.] / П. С. Матишевський. – К.: А.С.К., 2001. – 540 с.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=685;-20
6. Кримінальний кодекс України // <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#n328>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Савчук Т.А., кандидат юридических наук, доцент, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Внедрение информационно-коммуникационных технологий в уголовно-правовую сферу является важным этапом осуществляемых в настоящее время Республикой Беларусь реформ на пути реализации электронного правосудия, предусмотренных программой деятельности Правительства на 2011–2015 гг.

Информационно-коммуникационное обеспечение уголовного процесса в Республике Беларусь включает в себя формирование информационных правовых ресурсов; максимально возможное компьютерное оснащение органов уголовного преследования и суда; внедрение в деятельность следственных органов Единой автоматизированной информационной системы; использование современных информационных технологий при проведении следственных и иных процессуальных действий. Неоспорим тот факт, что информационные технологии в деятельности органов, ведущих уголовный процесс, способствуют ускорению поиска, обработки и последующего анализа необходимой, в том числе доказательственной, информации, оперативному обмену различными сведениями по уголовному делу. Названные обстоятельства послужили импульсом для активных научных исследований и дискуссий по вопросам информационно-коммуникационного обеспечения уголовного процесса, а также по различным аспектам обеспечения и защиты информации в досудебном уголовном производстве. Стремительное развитие информационных технологий расширило юридический лексикон новыми терминами, связанными с применением таких технологий в уголовной юстиции, которые получают научное обоснование, постепенное нормативное закрепление и применение в практике следственных органов.

Основной идеей проводимых в настоящее время научных исследований и практических пилотных проектов по вопросу использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности является внедрение электронной формы уголовного дела. Отметим, что на протяжении длительного периода времени развитие уголовно-процессуального законодательства и практики его применения государства постсоветского пространства, главным образом, сдерживается взглядом на письменную форму, как на основную и незаменимую форму фиксации в уголовном процессе. Но в условиях современного развития науки и информационных технологий, активной государственной политики в сфере электронного правосудия этот взгляд может быть заменен на отношение к письменной форме, как второстепенной и заменимой форме фиксации информации в уголовном процессе.

Позитивное отношение к электронной форме уголовного дела наблюдается среди отдельных правоведов, указывающих в качестве аргументов в ее пользу ненадежность бумажного носителя (его «ветхость и легкое уничтожение») [1], «объемность и тяжеловесность томов уголовного дела» [2]. Несомненно, электронная форма уголовного дела имеет свои преимущества и уже используется в отдельных государствах, реализующих концепцию модернизации уголовно-процессуальной формы путем перехода на электронную платформу (например, в Эстонии работа с электронным делом регламентирована уголовно-процессуальным законодательством, а в Грузии программное обеспечение по уголовному делу используется на основании приказа Главного прокурора) или предпринимающих конкретные шаги в данном направлении (Россия, Казахстан, Армения).

Так, в Республике Армения реализовано два проекта: во-первых, «Система электронного следствия», представляющая «личный кабинет следователя» (шаблоны процессуальных документов, система напоминания об истечении процессуальных сроков, поисковая система уголовных дел); во-вторых «Система оцифровки уголовных дел» – комплекс по хранению копий уголовных дел в электронном формате. Эффективность данных проектов доказана на практике: это упрощение процедуры оформления процессуальных решений следователя, процессуальная экономия и оперативность процессуального контроля [3].

В Республике Казахстан с 2017 г. проводится апробирование проекта «Электронное уголовное дело», который содержит 315 образцов процессуальных документов, а также решает вопросы электронного извещения участников уголовного дела, возможность их ознакомления с делом и подписание ими электронных процессуальных документов при помощи графического планшета и стилуса, электронного взаимодействия с судами по вопросам санкционирования и направлений уголовных дел. Только за четыре месяца 2017 г. через этот пилотный проект прошло 517 уголовных дел, показав значительные преимущества – экономия времени следователя, прокурора, суда, повышение качества расследования уголовных дел и значительное сокращение процессуальных расходов [4].

В Республике Беларусь в настоящее время отсутствуют информационные ресурсы, позволяющие аккумулировать и анализировать информацию, необходимую следственным органам для расследования уголовных дел с соблюдением конфиденциальности и оперативности. Работа в данном направлении ведется Следственным комитетом Республики Беларусь с 2013 г., который занимается разработкой Единой автоматизированной информационной системы (ЕАИС) для автоматизации процессов следственной деятельности.

Так, Концепция ЕАИС будет представлена одиннадцатью взаимосвязанными подсистемами, объединенными в три блока. В основе функционирования ЕАИС (первый блок) – прикладное администрирование, система защиты информации, классификация и кодирование информации. Второй блок ЕАИС включает подсистемы по организации следственной работы, не связанной с расследованием преступлений (автоматизация кадровой работы, аналитической отчетности, нормативной базы). Третий блок ЕАИС имеет непосредственное отношение к деятельности следователя по расследованию преступлений, его основной идеей является планомерный переход к электронному формату уголовного дела, предположительно он будет состоять из трех подсистем (автоматизация следственной работы; взаимодействие с информационными ресурсами государственных органов; взаимодействие с Единым государственным банком данных о правонарушениях). Автоматизация следственной работы планируется по ключевым позициям: работа по заявлениям (сообщениям) о преступлениях; база данных «Участники процесса»; база данных «Изъятые предметы», «База знаний», «Контакты»; контроль процессуальных сроков и исполнения поручений руководителей следственных подразделений; организация и планирование следственной работы; составление описи уголовных дел и материалов проверок; составление статистической отчетности следственной работы. Отметим, что уже сейчас в рамках ЕАИС введены в действие технические подсистемы первого блока – «Классификаторы» и «Прикладное администрирование», а также подсистемы второго блока – «Управление кадрами» и «Поиск по государственным информационным ресурсам».

Представляется, что повсеместное внедрение рассматриваемой ЕАИС в практику работы следственных органов Республики Беларусь повысит эффективность взаимодействия следователей с государственными органами (включая прокуратуру и суды), уменьшит нагрузку и высвободит время для проведения следственных и иных процессуальных действий, ускорит проведение расследования уголовных дел. Опыт Республики Армения и Республики Казахстан по реализации электронного уголовного дела показал и проблемные аспекты, в числе которых значительные финансовые затраты, невозможность работы с электронным делом на удаленном доступе и при чрезвычайных обстоятельствах, отсутствие возможности ознакомления с уголовным делом в цифровом формате участниками процесса и реализации ими определенных процессуальных прав (подачи жалоб, ходатайств). Но внедрение информационных технологий в уголовный процесс является закономерным условием успешного реформирования законодательства и оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, главное, что следует учитывать при внедрении информационных технологий – такая модернизация не должна нарушать конституционных прав и свобод личности, вовлекаемой в орбиту уголовного процесса, и основополагающих процессуальных предписаний.

Ядром досудебного уголовного производства является собрание, проверка и оценка доказательственной информации. В свою очередь развитие информационных технологий ставит перед следственными органами задачу по использованию в доказывании электронных доказательств, электронных следов. УПК Республики Беларусь не уделяет должного внимания таким доказательствам и их использованию для нужд уголовного процесса. В научной среде этот вопрос является предметом широкого обсуждения, при этом сторонники введения в законодательный оборот электронных доказательств предлагают их различную терминологию и трактовку.

Например, А.Ю. Каблучков, считая «электронное доказательство» отдельным видом доказательств, определяет его как документ, где информация представлена в электронно-цифровой (электронной) форме [5]. Его позицию разделяют С.И. Кувычков [6], С.Г. Сафронов и А.В. Минбалеев [7], настаивая на закреплении такого вида доказательства в специальных нормах уголовно-процессуального закона. Другие авторы предлагают называть такое доказательство «виртуальным документом», интерпретируя его как совокупность информационных объектов, создаваемую в результате взаимодействия пользователя с электронной информационной системой [8; 9; 10] либо «компьютерной информацией» [11].

В рассматриваемом контексте представляет интерес опыт зарубежных государств по использованию электронных доказательств в доказывании. Например, УПК Таджикистана (ч. 2 ст. 72) отдельным видом доказательств называет «электронные, видео- и аудиозаписи наблюдения», однако в ч. 2 ст. 82 названного УПК электронные источники информации уже относятся к иным документам, в чем видится нелогичность законодательного подхода. УПК Украины (ч. 2 ст. 99) электронные носители информации причисляет к такому виду доказательств, как документы, определяя последние как специально созданные с целью сохранения информации материальные объекты, содержащие зафиксированные с помощью письменных знаков, звука, изображения и тому подобные сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательств факта или обстоятельств, которые устанавливаются во время уголовного производства. Уязвимость такого нормативного подхода видится в оговорке «специально созданные с целью сохранения информации материальные объекты».

Учитывая сущностные характеристики рассматриваемой группы доказательств, предлагаем наиболее корректное их наименование – «цифровые доказательства», которые включают в себя: во-первых, информацию, запечатленную и переданную в цифровой форме (электронные продукты: электронную информацию, электронные следы); во-вторых, цифровой носитель такой информации. При этом в зависимости от того, в какой форме такие доказательства представлены и какие сведения несут в себе, они могут выступать в одном из традиционных пониманий доказательств: а) либо в качестве вещественного доказательства (т.е. когда они по своему происхождению, месту и времени обнаружения, свойствам, признакам, имеющихся в них информационных и материальных следах, связаны с событием, ставшим предметом уголовного расследования, и способны служить средствами к обнаружению преступления, установлению виновного, опровержению либо подтверждению обвинения, ст. 96 УПК Республики Беларусь); б) либо как иной документ (электронный продукт) и другой носитель информации (ст. 100 УПК Республики). С учетом изложенного считаем, что не следует вводить в уголовно-процессуальный закон новый вид «цифровое доказательство» (схожее мнение высказывается российскими учеными) [12]), но вполне уместно использование данного термина в научном обороте и правоприменительной практике. В то же время необходимо уточнить понятие «доказательства» (ч. 1 ст. 88 УПК Республики Беларусь) за счет включения в него сведений в виде электронной информации, а также расширить источник доказательств «другие носители информации» электронными носителями (ч. 2 ст. 100 УПК Республики Беларусь).

Проведение следственных действий посредством видеоконференцсвязи (ВКС) – одно из наиболее перспективных направлений использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности. Такой подход известен законодательству большинства стран, имеет неоспоримые преимущества и способен решить ряд проблем законодательного и практического характера.

В уголовном процессе Республики Беларусь использование ВКС для проведения следственных действий было законодательно разрешено в 2016 г.: в досудебном уголовном производстве посредством ВКС можно проводить допрос, очную ставку, предъявление для опознания; в судебном разбирательстве уголовных дел – допрос и опознание; в апелляционной инстанции – исследование доказательств. При этом белорусский законодатель установил двойные стандарты: данные следственные действия, проводимые в ходе расследования, фиксируются с помощью технических средств с одновременной видеозаписью и составлением письменного протокола. Проведение

названных следственных действий в ходе следствия возможно в отношении только двух участников процесса – потерпевшего и свидетеля при невозможности их прибытия на следственное действие (по уважительным причинам), для обеспечения их безопасности, а также в том случае, когда эти участники процесса являются несовершеннолетними. Думается, исключение подозреваемого и обвиняемого из числа таких участников, не оправданно, особенно если и они являются несовершеннолетними.

Возможность применения ВКС для следственных действий в настоящее время наблюдается в отдельных территориальных подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь, использующих оборудование «Polyscom» (актовый зал и малый зал коллегии Следственного комитета Республики Беларусь) и систему «Аvaуа». Данная система позволяет обеспечивать одновременную двустороннюю передачу, обработку, преобразование и представление интерактивной информации на расстоянии в режиме реального времени с помощью аппаратно-программных средств вычислительной техники. Использование сервиса Skype достаточно проблематично, поскольку требует подключения к глобальной сети Интернет (что не всегда может быть обеспечено), а также не гарантирует выполнения законодательных предписаний по надлежащему обеспечению качества изображения и звука следственного действия, его записи на электронный носитель для приобщения к уголовному делу. Кроме того, как верно указывается в юридической литературе, Интернет не может использоваться в данном контексте, поскольку не обеспечивает конфиденциальности и достоверности передаваемой информации [13].

Отметим, что в белорусской следственной практике проведение следственных действий посредством использования ВКС носит эпизодический характер и, как правило, проходит в связи с поручением суда об оказании содействия при рассмотрении уголовных дел в судебном заседании. Причинами низкой активности в применении ВКС при производстве предварительного расследования являются отсутствие соответствующих технических возможностей в каждом территориальном следственном подразделении; низкая активность следователей в освоении методики использования системы ВКС; трудоемкость оформления протокола следственного действия с использованием ВКС.

Кроме того, анализ норм УПК Республики Беларусь, регламентирующих порядок проведения следственных действий с использованием ВКС в ходе предварительного расследования, показывает определенные пробелы в такой процедуре. Так, законодатель оставил без внимания регламентацию мероприятий, необходимых для организации следственных действий по месту нахождения участника процесса (его вызов, доставка), а также не предусмотрел правила поведения и нахождения других участников следственных действий, когда их участие является обязательным (например, представителя потерпевшего, понятых, адвоката свидетеля, специалиста-психолога). Представляется, что названные аспекты должны найти свое закрепление в соответствующих нормах уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы:

1. Федорова М.И. Внедрение электронной формы уголовного дела в деятельности следственных и судебных органов // Право и правоохранительная деятельность : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей, Саратов, 24 апр. 2015 г. ; Вып. 2. Саратов, Энгельс : Ред.-изд. центр Поволж. копер.ин-та, 2015. – С. 247–248.
2. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // http://e-notabene.ru/lr/article_345.html.
3. Саргсян Г.М. Об использовании компьютерных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Армения // Предварительное расследование. www.sk.gov.by.
4. Жакупов Р.Т. Электронное судопроизводство в Республике Казахстан // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Следственный комитет Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша, [и др.]. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. – С. 103–107.
5. Каблочкиков А.Ю. Электронные доказательства в арбитражном процессе // <http://s-yu.ru/articles/2010/6/4648.html>.
6. Кувычков С.И. Использование в доказывании электронной информации // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2012. – № 18. – С. 90–92.

7. Сафронов С.Г., Минбалеев А.В. Понятие и природа электронных доказательств в административном процессе России // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. – 2014. – Т. 14. – С. 114–118.
8. Мещеряков В.А., Трухачев В.В. Формирование доказательств на основе электронной цифровой информации // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2012. – № 2. – С. 44–47.
9. Вехов В. Электронные документы как доказательства по уголовным делам // <http://sec.bl.by/articles/178855.php>.
10. Кукарникова Т.Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук / Воронеж, 2003. – 204 л. // <http://www.dslib.net/kriminal-process/jelektronnyj-dokument-kak-vewestvennoe-dokazatelstvo-po-delam-o-prestupenijah-v.html>.
11. Зигура Н.А. Разграничение компьютерной информации и «иных» документов // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. – Вып. 14. – 2008. – № 8. – С. 53–56.
12. Овсянников Д.В. Доказательственное значение результатов копирования электронной информации в уголовном процессе // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 2. – С. 33–36.
13. Суховенко Н.А. Видеоконференцсвязь в уголовном процессе: технические и финансовые аспекты // Современные проблемы организации расследования преступлений: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 3 июня 2016 г.) / учрежд. образов. «Акад. М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь»; редкол.: И.Г. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2016. – С. 154–158.

СИСТЕМНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

*Городецкая М. А., магистр юрид. наук, старший преподаватель Академии управления
при Президенте Республики Беларусь*

В современной юридической науке и на практике вопрос о существовании в системе законодательства такой самостоятельной отрасли как криминологическое законодательство остается не вполне решенным. Между тем, предпосылки для его появления были заложены в Советском Союзе, и исследованы в работах Г. А. Аванесова, А. И. Алексеева, Ю. Д. Блувштейна, А. Э. Жалинского, В. Н. Кудрявцева и многих других.

По мнению А. Ш. Ещанова совершенствование законодательного обеспечения механизма предупредительного воздействия на преступность в Республике Казахстан предполагает «выделение криминологического законодательства в качестве самостоятельного направления законодательской деятельности» и принятие Кодекса «О предупреждении преступности» [1, С. 9]. В Республике Беларусь идея о формировании и развитии криминологического законодательства обосновывается в работах В. А. Ананича, О. И. Бажанова, Н. А. Барановского, Д. В. Шаблинской, Н. Н. Шевчук и др.

Нам представляется, что в процессе систематизации действующих правовых норм, регламентирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления специального предупреждения преступлений, важно определить объекты предупредительного воздействия.

С. И. Голик и Б. П. Михайлов отмечают, что для построения эффективной системы профилактических мер, «необходимо знать, против каких явлений в жизни общества они будут направлены» [2, С. 9]. В. В. Белокопытов справедливо указывает, что «выявление причин и условий совершения правонарушений является фундаментальной основой для разработки эффективной системы мер по предупреждению преступлений» [3]. В сущности, вся концепция профилактики преступлений должна основываться на знаниях о детерминантах преступлений (криминогенных детерминантах).

Под криминогенными детерминантами (от лат. слова «determinare» – «определяю»), как указывает Н. Ф. Кузнецова, необходимо понимать «комплексы причин и условий, совместное действие которых вызывает следствия – преступность и преступление» [4, С. 11]. В механизме преступного поведения причина порождает следствие, а условие этому способствует. Н. Ф. Кузнецова справедливо подчеркивает, что «речь идет о совместном их действии, необходимой связи как элементов единой действующей системы» [4, С. 11].